

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160>

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО»)

**Максим Сергеевич
Миленин**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, maxim.milenin@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3937-2146>

Аннотация. В статье проводится лингвопоэтический анализ повести Леонида Николаевича Андреева «Жизнь Василия Фивейского», который направлен на исследование специфических языковых средств и художественных приемов, формирующих экспрессивное содержание текста. Рассматривается семантическая трансформация ключевых понятий произведения, таких, как *жизнь* и *правда*, которые усиливают экзистенциальные и религиозные мотивы повести, а большой объем пессимистической эмоционально-экспрессивной лексики в произведении создает постоянный эффект эмоционального перенапряжения. В рамках анализа семантического ядра повести отдельно исследуется роль числительных *один* и *два*, которые отражают как мотив одиночества, так и темообразующее внутритекстовое противопоставление человека и бога, что одновременно лежит в основе психологического описания главного героя. В статье проводится исследование символического ономастического пространства и стилевых особенностей повести, включая инверсии, повторы и олицетворения. Выделяются те стилистические и синтаксические средства в произведении, которые формируют его уникальный ритм, усиливая воздействие на читателя. При изучении тематики и жанровой специфики повести выделяется смешение элементов натурализма и реализма в произведении, а главная тема – кризис веры и нравственности священника – раскрывается через насыщенный экспрессивными элементами психологический анализ персонажа. Таким образом, на передний план выходят не религиозные, а экзистенциальные проблемы, а экспрессионизм выступает в качестве языковой схемы реализации темы произведения. В результате работы выявлено, что автор активно использует лексические и синтаксические приемы для создания эмоционального напряжения, отражающего духовный кризис и одиночество главного героя, что делает произведение примером раннего экспрессионизма в русской литературе.

Ключевые слова: Леонид Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», лингвопоэтический анализ, экспрессионизм, семантика, ономастика, инверсии, повторы, олицетворение, символика, эмоциональное напряжение, художественные приемы, психологизм.

Для цитирования: Миленин М. С. Особенности лингвопоэтического исследования художественной прозы Леонида Андреева (на примере повести «Жизнь Василия Фивейского») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 148–160. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160>

Сведения об авторе: М. С. Миленин – аспирант кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160>

**FEATURES OF THE LINGUOPOETIC STUDY OF LEONID ANDREYEV'S
FICTIONAL PROSE: A CASE STUDY OF THE NOVELLA
*THE LIFE OF VASILIIY FIVEYSKY***

Maxim S. Milenin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, maxim.milenin@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3937-2146>

Abstract. The article presents a linguopoetic analysis of Leonid Nikolayevich Andreyev's novella *The Life of Vasily Fiveysky*, aimed at exploring the specific linguistic devices and artistic techniques that shape the expressive content of the text. It examines the semantic transformation of key concepts in the work, such as *life* and *truth*, which intensify the novella's existential and religious motifs. The extensive use of pessimistic, emotionally expressive vocabulary creates a sustained effect of emotional tension. The analysis of the novella's semantic core separately investigates the role of the numerals *one* and *two*, which reflect both the theme of solitude and the text's thematic opposition between human and God, providing a foundation for the protagonist's psychological portrayal. The article also explores the novella's symbolic onomastic space and stylistic features, including inversions, repetitions, and personifications. It highlights the stylistic and syntactic devices in the work that establish its unique rhythm, amplifying its impact on the reader. In examining the novella's themes and genre-specific features, the study identifies a blend of naturalism and realism, with the central theme – a crisis of faith and morality in a priest – revealed through a richly expressive psychological analysis of the character. Thus, existential issues, rather than religious ones, take precedence, while expressionism serves as a linguistic framework for conveying the work's theme. The study concludes that the author actively employs lexical and syntactic techniques to create emotional tension, reflecting the protagonist's spiritual crisis and isolation, making the work an example of early expressionism in Russian literature.

Keywords: Leonid Andreyev, *The Life of Vasily Fiveysky*, linguopoetic analysis, expressionism, semantics, onomastics, inversions, repetitions, personification, symbolism, emotional tension, artistic techniques, psychological depth.

For citation: Milenin, MS 2024, 'Features of the Linguopoetic Study of Leonid Andreyev's Fictional Prose: a Case Study of the Novella *The Life of Vasily Fiveysky*', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 148–160, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160> (in Russ.)

Information about the Author: Maxim S. Milenin – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Одной из наименее изученных с точки зрения лингвистической поэтики и лингвистической стилистики является повесть Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского», в центре сюжета которой – духовный кризис священника, что открывает возможности для анализа религиозных и философских тем через призму языка и символики.

Комментарий к повести, опубликованный в шеститомном собрании сочинений Андреева, даёт краткую историю работы над произведением, где указано, что «толчком к созданию повести “о горделивом попе” стал для Андреева разговор в Нижнем Новгороде с М. Горьким “о различных искателях незыблемой веры”. Во время разговора М. Горький познакомил Андреева с содержанием рукописной исповеди священника А. И. Аполлова, который под влиянием учения Л. Н. Толстого отказался от сана» [2, с. 630].

«Жизнь Василия Фивейского» была впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» за 1903 г. (кн. 1. СПб., 1904) и сразу же вызвала шквал противоречивой критики, что указывает на несомненную важность поднятой автором темы, на уникальность комплекса языковых средств произведения, задачей которых было не только и столько воспроизведение сюжета, истории, но в большей степени – психологическое воздействие на читателя. В этой повести Л. Андреев впервые обращается к теме взаимосвязи эмоций человека и его веры в бога, выносит на первый план психологический аспект религиозности как качества личности. Авторские цели реализуются не столько через нарратив, сколько через художественное воплощение чувств и эмоций главного персонажа – экспрессию, что в свою очередь определяет не только структуру, но и абсолютно все лингвистические характеристики художественного текста. На примере «Жизни Василия Фивейского» можно проследить становление экспрессионизма – литературного направления, которое характеризуется как определённым набором художественных принципов и доктрин, так и языковой схемой их реализации.

Семантическое ядро повести

Первоначально «Жизнь Василия Фивейского» именовалась в черновиках и письмах Леонида Андреева как «О. Василий» [14, с. 52], позже в письме Горького – «Отец Василий Фивейский» [3, с. 138]. Как мы видим, слово *отец* в значении ‘служитель культа, монах’ [6, с. 439] исчезло в ходе работы над рукописью. В то же время автором внесена в заголовок лексема *жизнь*, которая отсылает читателя к слову *житие*, относящееся к предметной области церкви и означающее ‘чье-л. жизнеописание (обычно человека, причисляемого церковью к лику святых)’ [8, с. 670]. В самом названии повести Андреев устанавливает одну из самых важных, ключевых эвристем для всего текста – *жизнь* как антитеза. Жизнь простого человека, но не житие святого.

Эвристема *жизнь* является первой из широкого ряда семантически и коннотативно эмоциональных слов, из которых формируется особый художественный стиль произведения, поскольку «образ, запечатленный в одном слове или одной синтаксической единице, иногда определяет всю композицию литературного произведения, выступая как его художественный синтез или обобщающий символ» [9, с. 53]. Так, с помощью эпитета *лгущая* Андреев придает лексеме *жизнь* новую семантическую и эмоционально-экспрессивную окраску, привнося в семантический корпус значение ‘жизни, существования человека в самообмане, в ложной вере’:

«Под долгие стоны осенней ночи, под звуки безумных речей, когда сама вечно лгущая жизнь словно обнажала свои темные таинственные недра, – в его помраченном сознании мелькала, как зарница, чудовищная мысль: о каком-то чудесном воскресении, о какой-то далекой и чудесной возможности» [2, с. 496].

Или:

«И дышал он глубоко и часто, как будто задышался он **в том бессмысленном, тупом и диком, что называлось жизнью** Семена Мосягина и обви- валось вокруг него, как черные кольца неведомой змеи» [2, с. 511].

Или:

«Этот жалкий пробор, эта глухая забота о старой, некрасивой, никому не нужной голове были также правдой – печальной правдой о **вечно одинокой, вечно скорбной человеческой жизни**» [2, с. 505].

Лгущая жизнь, скорбная жизнь по Андрееву – жизнь без правды. Здесь наблюдается еще одна антитеза с данной лексемой: жизнь – правда:

«С той особенной, **правдивой** улыбкою, какая бывает у людей, когда у них хорошие мысли и они одни, она осторожно раскапывала вокруг корней волокну- стую, серо-пепельную землю, садилась около грибов и долго любовалась ими, не- много бледная от зеленых теней леса, но красивая, спокойная и добрая» [2, с. 497].

Или:

«Отпал туман от его лица, и блестящими, точно обмытыми глазами он изумленно глядел на лицо женщины, и оно было особенное: на нем была начертана какая-то и ясная и загадочная **правда** о боге и о жизни» [2, с. 505].

Или:

«И уже скоро понял о. Василий, что те люди, которые говорят ему одну **правду**, как самому богу, сами не знают **правды о своей жизни**. За тысячами их **маленьких, разрозненных, враждебных правд** сквозили туманные очер- тания одной **великой, всеразрешающей правды**. Все чувствовали ее, и все ее ждали, но никто не умел назвать ее человеческим словом – эту **огромную правду** о боге, и о людях, и о таинственных судьбах человеческой жизни» [2, с. 506].

Расхождение с узуальной семантикой лексемы правда наблюдается в приме- нении автором грамматических форм данной лексемы и однокоренных производ- ных в качестве эпитетов при создании описаний персонажей:

«И так трудно было представить, что это его сторож вел за ухо, что Настя не поверила и не засмеялась, хотя сам о. Василий смеялся тихим и детским смехом, и лицо у него было **правдивое** и доброе» [2, с. 515].

Или:

«Лицо о. Василия сделалось недобрый и **неправдивым**, и усмехнулись одни губы, когда он ответил...» [2, с. 515]

Расширение семантики лексемы правда до значения 'божественная справед- ливость' отмечается в следующих случаях:

«Они рыдали безумно, простирали бессильные руки и молили о пощаде, о милости, о **правде**» [2, с. 516].

«И каждый день, с раннего утра до позднего вечера, перед о. Василием стоя- ли человеческие лица, то ярко во всех морщинах своих освещенные желтым огнем свечей, то смутно выступавшие из темных углов, как будто и самый воздух церк- ви превратился в людей, ждущих милости и **правды**» [2, с. 510].

Примеры, представленные выше, отражают стремление Андреева усилить эс- тетический и психологический эффект конкретных лексем, придавая им значитель- ную эмоциональную насыщенность. Таким образом, даже в прямой речи персона- жей экспрессема правда наполняет короткие реплики Василия Фивейского глубоким идейным содержанием. В качестве примера можно обратиться к данному диалогу:

«Знаю, о чем ты думаешь. Ты... – Попадья остановилась и со страхом ото- двинулась от мужа. – Ты... в бога не веришь. Вот что!»

И когда уже сказала, почувствовала она, как ужасно сказанное ею, и жалкая улыбка, просящая о прощении, раздвинула ее опухшие, искусанные губы, сожженные водкой и красные, как кровь. И обрадовалась, когда побледневший поп резко и наставительно ответил:

— *Это неправда. Думай, что говоришь. Я верю в бога»* [2, с. 502].

Или:

«*Ответила Настя:*

— *Сегодня я собирала ему ужинать и видела: он шевелил ножкой.*

— *Неправда, – сказал поп, но слово это прозвучало далеко и глухо»* [2, с. 503].

Отдельную лексическую группу в повести составляет пессимистическая эмоционально-экспрессивная лексика, которая вызывает у читателя постоянное чувство тревожности, охватывавшее главного героя: существительные – *рок, проклятие, преднамеренность, страх, ужас, скорбь, мучение, тоска* и производные от них признаковые слова. Частотность обусловлена еще и тем, что в повести представлено сразу несколько описаний танатологических событий. Зачастую конструкции внутри текста намеренно перенасыщаются автором подобной лексикой, создавая эффект эмоционального перенапряжения, излома:

«*И, как прежде, стала пить **измученная** попадья. Пила она много, до потери сознания и **болезни**, но и могучий алкоголь не мог вывести ее из железного круга, в середине которого царил **страшный** и необыкновенный образ **полуробенка, полузверя**. Как прежде, искала она в водке жгучих и скорбных воспоминаний о погибшем первенце, но они не приходили, и **тяжелая, мертвая пустота** не дарила ей ни образа, ни звука. Всеми силами **разгоряченного мозга** она вызвала милое лицо тихонького мальчика, напевала песенки, какие пел он, улыбалась, как он улыбался, представляла, как давился он и захлебывался молчаливой водой; и, уже, казалось, становился близок он, и зажигалась в сердце **великая, страстно желанная скорбь**, – когда внезапно, неуловимо для зрения и слуха, все проваливалось, все исчезало, и в **холодной, мертвой пустоте** появлялась **страшная и неподвижная** маска идиота. И казалось попадье, что во второй раз похоронила она Васю и глубоко зарыла его; и хотелось разбить голову, в самых недрах которой нагло царит **чуждый и отвратительный** образ»* [2, с. 500].

Ономастическое пространство повести Леонида Андреева характеризуется символистической насыщенностью всех поэтонимов и одновременно – стилистической функцией. Каждый оним в произведении выполняет, помимо собственно номинативной, идейно-содержательную функцию. Имя главного героя, Василий, в переводе с греческого языка обозначает ‘царь’. Это же имя дано обоим сыновьям Фивейского. В контексте религиозно-философского конфликта главного героя повести *царь* может выступать в качестве символа избранности героя [10, с. 128], а смерть так же нареченных детей – о постоянном одиночестве человека – как перед богом, так и для бога. Фивейский – вероятнее всего от астионима *Фивы*, греческого названия одной из столиц Древнего Египта (в Ветхом Завете именуется как *Но*), которые упоминаются только в пророческих текстах Ветхого Завета и только в контексте суда, наказания, кары: «*И опустошу Пафрос, и пошлю огонь на Цоан, и **произведу суд над Но**. И изолью ярость Мою на Син, крепость Египта, и **истреблю многолюдие в Но**. И пошлю огонь на Египет; вострепещет Син, и **Но рушится**, и на Мемфис нападут враги среди дня»* (Иез. 30:14–16) [5, с. 615]. Таким образом, поэтоним *Василий Фивейский* можно интерпретировать как ‘царь осужденный’, или ‘царь низверженный’. В контексте повести это может быть прочитано как *священник, царь над причтом, низвержен будет и покинут людьми, оставлен наедине с богом*. Фа-

милия *Фивейский* может соотноситься с именем Павла Фивейского, также известного как Павел Отшельник, православного и католического святого, по преданию проведшего более девяноста лет в добровольном уединении в пустыне. *Царь-отшельник*, таким образом, может символизировать как возвышенность Василия Фивейского над окружением, так и одиночество его и преднамеренный отход от церкви. Если рассматривать лексему *отшельник* в значении ‘монах, отказавшийся от общения с людьми, с внешним миром, живущий в скиту; пустынный’ [7, с. 115], то она выступает в качестве главной цели и главной характеристики отца Василия на финальных страницах повести:

«Самую жизнь свою перестал он чувствовать – как будто порвалась извечная связь тела и духа, и, свободный от всего земного, свободный от самого себя, поднялся дух на неведомые и таинственные высоты. Ужасы сомнений и пытующей мысли, страстный гнев и смелые крики возмущенной гордости человека – все было повергнуто во прах вместе с поверженным телом; и один дух, разорвавший тесные оковы своего “я”, жил таинственной жизнью созерцания» [2, с. 528].

Значение лексемы *царь* расширяется Андреевым, у него она приобретает значение ‘избранник, человек, избранный богом’.

«Он избран».

«На неведомый подвиг и неведомую жертву избран он, Василий Фивейский, тот, что святотатственно и безумно жаловался на судьбу свою. Он избран. Пусть под ногами его разверзнется земля и ад взглянет на него своими красными, лукавыми очами, он не поверит самому аду. Он избран» [2, с. 529].

Крайне символично имя жены и дочери Василия Фивейского – Анастасии. В переводе с древнегреческого оно означает ‘воскресение’. Ю. И. Гольман в своей работе о значении образа-символа в повести Андреева «Жизнь Василия Фивейского» [10, с. 127–132] выдвигает гипотезу о преднамеренном выборе автором данного имени по принципу контраста – отрицая надежду на воскрешение для жены и дочери главного героя.

Село, в котором проживает главный герой, названо автором Знаменским. Безусловно, поэтоним *Знаменское* отсылает к знамени, знаку божиему, которого так боится попадья, на которое уповает сам отец Василий, и которое, по задумке Андреева, ведет главного героя к трагическому финалу.

Высока роль числительных в тексте произведения. Мотив одиночества отца Василия, звучащий на протяжении всей повести, проявляется в постоянном указании на числительное *один* в значении ‘одиноким, одиночество’:

«Один он был затерянный среди частых колосьев, перед лицом высокого пламенного неба» [2, с. 491].

Или:

«До сих пор было так: существовала крохотная земля, и на ней жил один огромный о. Василий со своим огромным горем и огромными сомнениями...» [2, с. 506]

«И в позе гордого смирения он ждет ответа – один перед черным, свирепо торжествующим гробом, один перед грозным лицом необъятной и величавой тишины. Один» [2, с. 552].

Однако гораздо более значительным для семантического анализа повести выступает собирательное числительное *двое*, многократно повторяемое автором в тексте:

«Вспоминается вьюга. Колокол и вьюга. И неподвижная маска идиота. Их двое, их двое, их двое...» [2, с. 552].

Или:

«Огонь большой лампы проточил кружок в пушистой броне, и заблестело мокрое стекло, и снаружи она прильнула к нему серым бесцветным глазом. Их **двое, двое, двое...** Ободранные голые стены с блестящими капельками янтарной смолы, сияющая пустота воздуха и люди. Их **двое**» [2, с. 536].

Или:

«И она качается на его черных слепых звуках и поет: их **двое, двое, двое!** И к дому мчится, колотится в его двери и окна и воет: их **двое, их двое!**» [2, с. 540].

Безусловно, двое выступают, исходя из текста произведения, как обозначение отца Василия и его больного сына, *идиота*. Тем не менее ближе к финалу повести происходит семантический сдвиг:

«И в позе гордого смирения он ждет ответа – один перед черным, свирепо торжествующим гробом, один перед грозным лицом необъятной и величавой тишины. Один. Неподвижными остриями вонзаются в мглу огни свечей, и где-то далеко напевает, удаляясь, вьюга: их **двое, их двое...** Тишина» [2, с. 552].

Здесь уже нет упоминания об *идиоте*, и если первым в паре остается Фивейский, то вторым выступает уже бог, к которому выше по тексту произведения многократно обращается священник. Из этого складывается внутритекстовая аллюзия: *идиот*, ребенок с ужасным врожденным заболеванием и явными отклонениями в развитии, *получеловек-полузверь* представляется уже *богом*, тем высшим естеством, которое так стремится познать и постичь Василий.

Семантические новации в повести Леонида Андреева призваны в первую очередь усилить эмоциональную нагрузку текста. Выявленные особенности формируют специфический психологический приём автора, который делает «Жизнь Василия Фивейского» глубоким и многоплановым произведением, восходящим к философским и этическим вопросам и касающимся человеческой природы и смысла жизни.

Тематика и жанровая специфика повести

Отмеченная выше тема одиночества главного героя является далеко не единственной в тематике «Жизни Василия Фивейского». А. Б. Бактыбекова выделяет несколько сюжетообразующих тем произведения: вера, безумие, правдоискательство, избранничество, папство. Она же отмечает, что «Л. Андреев один из первых среди писателей своего времени с глубоким психологизмом художественно исследовал социально-этическую проблему отчуждения личности, придавленной бездушием эгоистического общества в мире корысти, неравенства и несвободы» [4, с. 42]. Однако тематическим ядром произведения является кризис веры и нравственности. Василий Фивейский, священник, проходит через глубокое духовное испытание, сталкиваясь с жестокостью и несправедливостью мира. Его внутренний конфликт и сомнения в существовании божественной справедливости составляют основное содержание повести.

Повесть сочетает элементы реализма и натурализма с сильным акцентом на психологическом анализе. Однако применение максимально экспрессивных речевых единиц сдвигает жанровую направленность работы Андреева в сторону экспрессионизма. Автор предельно глубоко исследует внутренний мир своих персонажей, в особенности Василия и его жены, раскрывая их эмоции, страхи и сомнения. Психологический анализ позволяет читателю понять мотивы и переживания героев, что делает повествование более глубоким и многослойным.

Насыщенная религиозной символикой и библейскими аллюзиями повесть ставит на первое место не религиозные мотивы (несмотря на вопросы веры, греха, покаяния и спасения через призму православной традиции, отражающие культурный и духовный контекст России начала XX века), но экзистенциальные вопросы: смысл жизни, страдание, смерть. «Сегодня уже не нужно доказывать, что поэтику Андреева многое роднило с символистской, что писатель был одним из первых экс-

прессионистов, все более очевидно его место у истоков экзистенциализма» [15, с. 77]. Леонид Андреев исследует фундаментальные проблемы человеческого бытия в условиях духовного кризиса и жизненных испытаний. В то же время Василий Фивейский сталкивается с критическими этическими проблемами, которые отражают моральные противоречия времени. Автор поднимает вопросы о природе добра и зла, справедливости и милосердия, показывая, как социальные и исторические обстоятельства влияют на моральные устои личности.

Языковые средства художественной выразительности: лексика, фонетика

Академик Виноградов отмечал, что «экспрессивно-эмоциональному содержанию стиля художественного произведения должно быть отведено очень важное место в характеристике поэтической “суггестивности”» [9, с. 5]. Текст «Жизни Василия Фивейского» изобилует олицетворениями, сравнениями и метафорами, анализ которые позволяет определить стилистические особенности художественного приема писателя. Обилие описательных компонентов в повести обусловлено авторской задачей – не столько передать сюжет, событий ряд повествования, но отразить эмоциональную реакцию персонажей, их психическое и психоэмоциональное состояние. Выделим, к примеру, описание метели из десятой главы повести:

«Замерзшие окна, запушенные инеем, светлели под огнем и искрились, были непроницаемы, как стены, и отделяли людей от серой ночи. Безграничным кольцом она облегла дом, давила на него сверху, искала отверстия, куда бы пропустить свой серый коготь, и не находила. Она бесновалась у дверей, мертвыми руками ощупывала стены, дышала холодом, с гневом поднимала мириады сухих, злобных снежинок и бросала их с размаху в стекла, – а потом, бесноватая, отбегала в поле, кувыркалась, пела и плашмя бросалась на снег, крестообразно обнимая закоченевшую землю. Потом поднималась, садилась на корточки и долго и тихо смотрела на освещенные окна, поскрипывая зубами. И снова с визгом бросалась на дом, выла в трубе голодным воем ненасытимой злобы и тоски и обманывала: у нее не было детей, она сожрала их и схоронила в поле, в поле...» [2, с. 536].

Прежде всего, сама метель метафорически именована Андреевым «серой ночью», затем – олицетворение, надделение природной силы не только чертами поведения человека («руками ощупывала стены», «отбегала в поле», «кувыркалась, пела» и так далее), но и эмоциями, и в целом – свойствами человеческой психики – антропопатизм («выла в трубе голодным воем ненасытимой злобы и тоски и обманывала»). Завершается фрагмент прозопеическим событийным рядом («у нее не было детей, она сожрала их и схоронила в поле, в поле»), который, являясь метафорой по сути и отражая уже эмоциональное состояние собственно явления природы, призван выразить всю силу ее психологического воздействия на персонажа. Эпифорический повтор и редкое для повести многоочие («в поле, в поле...») призваны создать фонетический эффект гула метели, одновременно с тем усилить экспрессивные коннотации лексем *сожрала* и *схоронила*.

Ниже по тексту повести автор вновь обращается к описанию метели, используя олицетворение как основное средство:

«Но скоро бросил их – и, уставившись неподвижными глазами, оттопырив большие уши, терпеливо ловил бегающие звуки. Шипение и шорох, визг и свист. И хохот. Она играла. Она садилась на бревна покинутого сруба, качалась и бахалась в снег, и тихо кралась в угол, и рыла там могилу для чужих, для чужих. И пела: для чужих, для чужих. И с радостью взметывала вверх и раскидывала широкие серые крылья, высматривая; камнем падала вниз и, кружась, проносилась в темные окна заиндеветшего сруба, с визгом и свистом. За снежинками гонялась она, – и, бледные от страха, вытянувшись вперед, они молчаливо бежали» [2, с. 537].

Для интенсификации движения Андреев активно использует девербативы: *шипение, шорох, визг, свист, хохот*, – создающие при этом дополнительный фонетический эффект, то есть передающие звуки метели. Синтаксическая эпифора для *чужих*, используемая дважды в конце двух параллельных рядов решает в первую очередь ту же фонетическую задачу, что и отглагольные существительные выше, во вторую – усиливает противопоставления персонажей в доме, живых, – смерти, символом которой выступает метель («*и рыла там могилу*»).

Пейзажные описания в «Жизни Василия Фивейского» наполнены сравнениями, метафорическими выражениями и эпитетами с оттенком гиперболизации:

«С утра сильно парило, и такая жара стояла, что трава на глазах почти свертывалась и блекла, как от сильного огня. И непрозрачное плотное небо низко и грозно висело над землей, и точно вся замутившаяся синева его пронизана была тонкими, кроваво-красными жилками, – такое оно было багровое, звонкое, с металлическими отсветами и переливами. Огромное солнце пылало жаром, и так странно было, что светит оно ярко, а ни на чем нет определенных и спокойных теней солнечного дня, точно между солнцем и землей висела какая-то невидимая, но плотная завеса и перехватывала лучи» [2, с. 544].

Сравнения, которые наряду с олицетворениями являются самыми используемыми средствами в повести, позволяют читателю лучше представить себе происходящие события, например, ощутить жару и угрюмость описываемого пейзажа («*точно вся замутившаяся синева его пронизана была тонкими, кроваво-красными жилками*»), в то время как метафоры («*плотное небо висело над землей*»; «*солнечные лучи перехватывала невидимая, но плотная завеса*») придают тексту образность и помогают создать яркую и запоминающуюся картину. «Л. Андреев часто сталкивает конкретное и абстрактное, реальное и ирреальное в пределах одного сравнения» [1, с. 14]. Выбранный выше фрагмент повести содержит еще одно частотное для автора средство художественной выразительности – аллитерацию («*низко и грозно висело над землей*», «*огромное солнце пылало жаром*»), придающую ритм и музыкальность тексту, усиливая его выразительность. Следует отметить антитезу («*светит оно ярко, а ни на чем нет определенных и спокойных теней солнечного дня*») – противопоставление яркого света и отсутствия чётких теней подчеркивает необычность и напряженность описываемого дня. Таким образом, комплекс языковых средств, применяемый в этом фрагменте Андреевым, создает впечатляющую и детализированную картину жаркого дня, передавая ощущение зноя, напряженности и угрюмости.

Несмотря на обилие языковых средств художественной выразительности, Андреев достигает эффекта смысловой емкости текста за счет их максимальной экспрессивности, которую тем не менее нельзя назвать чрезмерной. Выражение деформации реальности, гротеск, отражение мотивов тревоги, страха, боли в языке художественной литературы требуют особых средств, их количества и качества в том случае, когда перед автором стоит задача не констатации повествовательного ряда, не передачи лишь только событий сюжета и даже не выражение эмоционального состояния героев, но превращение языковых средств в психологические триггеры, способные вызывать именно у читателя определённые сложные и неповторимые эмоции.

Синтаксические художественные средства

Повесть «Жизнь Василия Фивейского» обладает собственным, неповторимым текстовым ритмом, основу которого в том числе составляет многократное, практически постоянное применение союза *и*. Прежде всего, он выступает в качестве начала синтаксических конструкций в повести: крупных (абзацев), средних (предложений) и меньших (составных частей сложных предложений, рядов однородных членов в

предложениях). С одной стороны, такой вид анафорического повтора усиливает связь между синтаксическими конструкциями внутри текста, с другой – выстраивает ритмическое поле произведения таким образом, что позволяет автору постепенно усиливать эмоциональное напряжение внутри отдельных частей повести, содержащих наиболее значимые сцены:

«И по мере того, как он говорил, все недоступнее и суровее становилось лицо попа – точно каменело оно под градом больно бьющих, нудных слов мужика. И дышал он глубоко и часто, как будто задыхался он в том бессмысленном, тупом и диком, что называлось жизнью Семена Мосягина и обвивалось вокруг него, как черные кольца неведомой змеи. Словно сам строгий закон причинности не имел власти над этой простой и фантастической жизнью: так неожиданно, так шутовски нелепо сцеплялись в ней маленький грех и большое страдание, крепкая, стихийная воля к такому же стихийному, могучему творчеству – и уродливое прозябание где-то на границе между жизнью и смертью... А в действительности происходило так: был он постоянно голоден, голодала его жена, и дети, и скотина; и замутившийся ум его блуждал, как пьяный, не находящий дверей своего дома. В отчаянных потугах что-то построить, что-то создать он распластывался по земле – и все рассыпалось, все валилось, все отвечало ему дикой насмешкой и глумлением. Он был жалостлив и взял к себе сироту-приемыша, и все бранили его за это; а сирота пожил немного и умер от постоянного голода и болезни, и тогда он сам начал бранить себя и перестал понимать, нужно быть жалостливым или нет» [2, с. 511].

Начало предложений с союза *и* не является подражанием автора разговорной речи, но отчасти выступает следствием необходимости приведения синтаксиса повести к синтаксису церковнославянского языка, на котором написаны жития святых. Отсюда и характерные стилистические инверсии:

«И о попе он думал с тревогою и печалью, ибо в эти наступающие часы ужаса один он из всех бывших людей любил о. Василия стыдливою и нежною любовью и близок был его великой, мятежной душе» [2, с. 548].

Используя повторы однокоренных слов, автор строит сложные синтаксические конструкции, сложносочиненные предложения, состоящие из нескольких основ и пунктуационно выделенные точкой с запятой или тире, тем самым увеличивая динамику повествования:

«Но минутами непонятное колебание и нерешительность овладевали им; он замедлял шаги и, вытянув шею, удивленно смотрел на толпу, точно неожиданным чем-то была эта онемевшая толпа в церкви, где привык молиться он один; потом забывал толпу, забывал, что он служит, и рассеянно шел в алтарь» [2, с. 549].

Здесь же Андреев применяет градацию, постепенно усиливая экспрессию:

«Замедлили свой бешеный бег тысячи разрозненных, сцепившихся мыслей, тысячи незавершенных чувств: замедлили, остановились, замерли – мгновение страшной пустоты, стремительного падения, смерти, – и всколыхнулось в груди что-то огромное, неожиданно радостное, неожиданно прелестное» [2, с. 549].

Особенно следует отметить повторы, формирующие диалогические структуры отдельных фрагментов повести: самым ярким примером, безусловно, служит десятая глава, в которой поначалу бормотание, а потом и крик умственно отсталого сына Фивейского «Па-па!», повторяющийся через равные промежутки текста и переключаящийся с так же выделенным в прямую речь отдаленным звоном колокола в метель «Бо-о-ом!» создается эффект сильнейшего эмоционального перенапряжения, искажения реальности – в сознании отца Василия диалог ведется между идиотом и метелью, стихией и человеком, роком и миром. Так сложное эмоционально-

психическое состояние главного героя Леонид Андреев раскрывает и передаёт с помощью диалогических повторов.

Структурная организация текста повести Андреева определяется отмеченным выше четко прослеживающимся ритмом. Используя повторения, средства пунктуации и прием градации, автор выстраивает мелодию всего произведения, а акцент на экспрессивность применяемых средств позволяет максимально усилить эстетическое воздействие на читателя. Кроме того, таким образом повесть Леонида Андреева обретает «внутреннее единство и экспрессивно-эмоциональную направленность всей композиции» [9, с. 33].

Экспрессионизм как основная тенденция лингвопоэтики повести

Комплекс художественных приемов, реализованных Леонидом Андреевым в повести «Жизнь Василия Фивейского», характеризуется максимальной экспрессивностью – как в количественном, так и в качественном значениях. Безусловно, вся идейно-тематическая система произведения выражается с помощью наиболее экспрессивных языковых средств, зачастую подчиняющих себе нарративную составляющую. Таким образом формируется новый «тип повествовательной речи» [12, с. 93], выходящий за пределы принятого в эпоху создания «Жизни...» и проповедуемого Л. Н. Толстым, М. Горьким и многими другими современниками Андреева реалистического приема. Экспрессионизм в повести о Василии Фивейском нельзя назвать следствием преднамеренной или непреднамеренной стилевой деформации, но как языковая схема реализации темы произведения он выполняет первостепенную авторскую задачу – не передать, не изобразить художественно те или иные события в повести, эмоционально-психическое состояние персонажа, но воздействовать на читателя, заставить его почувствовать то же самое, что и герой. Из письма Л. Андреева М. Горькому: «Хорошо я пишу только тогда, когда совершенно спокойно рассказываю о беспокойных вещах и не лезу сам на стену, а заставляю стену лезть на читателя» [11, с. 212].

Отдельного изучения заслуживает не вошедший в финальную редакцию повести «Сон о Василии» – отрывок, который в ранних вариантах произведения размещался в шестой главе «Жизни...». Невозможно указать точных причин исключения автором данного эпизода из финальной рукописи, однако следует отметить в первую очередь его жанровую специфику – сон как жанровая разновидность не раз появляется в последующих работах писателя, формируя определенный корпус художественных тестов данного направления. Сны, а чаще всего – кошмары, впоследствии рассматриваются как один из характерных модернистских и экспрессионистских жанров [13, с. 17].

Заключение

Результаты лингвопоэтического анализа повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» подчеркивают значимость языковых средств для раскрытия глубоких духовных конфликтов и психологических переживаний литературных персонажей. Исследование показало, что через особую семантику, экспрессивные лексические и синтаксические приемы автор достигает предельной философской и эмоциональной глубины художественного текста. Ключевые слова и символы, такие, как *жизнь* и *правда*, имена героев, наделены дополнительной смысловой нагрузкой, позволяя читателю погрузиться в сложные духовные переживания Василия Фивейского, а определенные стилистические средства, включая инверсии, многократные повторы и аллитерации, создают напряженную атмосферу, передающую духовное одиночество и внутренний кризис священника.

Повесть обладает выраженной ритмической структурой, что усиливает впечатление и в целом – читательское восприятие текста. Визуализация драматизма происходящих событий через олицетворения природы превращает пейзажи в пове-

сти в отражение внутреннего состояния персонажей, а комплекс лексем, передающих страх, скорбь и одиночество, позволяет не только реализовать эмоциональную насыщенность текста, но и создать образ экзистенциального кризиса, который ставит под сомнение роль религии и смысл жизни.

Таким образом, язык в повести «Жизнь Василия Фивейского» превращается в мощный инструмент для создания эмоциональной напряженности, что делает произведение ярким примером экспрессионизма в русской литературе.

Список источников и литературы

1. *Али Н. Ф.* Структурные типы и предметно-образные особенности сравнительных конструкций в повести Л. Андреева "Жизнь Василия Фивейского" // Наука России: Цели и задачи : сб. науч. тр. по материалам XVI междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10 августа 2019 г. Ч. 3. Екатеринбург, 2019. С. 8–14.
2. *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1: Рассказы 1898 – 1903 гг. М.: Худож. лит., 1990. 639 с.
3. *Архив А. М. Горького. Т. 4: Письма к К. П. Пятницкому / ред. И. Н. Успенский ; подгот. текста и примеч. А. А. Сабурова ; под общ. ред. акад. И. К. Луппола. М.: Худож. лит., 1954. 448 с.*
4. *Бактыбекова А. Б.* Концепция личности в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2022. № 4-1. С. 41–44.
5. Библия: книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. Лондон: Брит. и иностр. библейск. о-ва, 1922. 682 с., 208 с. Электрон. копия печ. изд. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002844308 (дата обращения: 21.10.2024). Доступ на сайте НЭБ.
6. Большой академический словарь русского языка. Т. 14: Опора – Отрыть / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред. Л. И. Балахонова]. М.; СПб.: Наука, 2010. 655 с.
7. Большой академический словарь русского языка Т. 15: Отряд – Перевал / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред. Л. И. Балахонова]. М.; СПб.: Наука, 2011. 610 с.
8. Большой академический словарь русского языка. Т. 5: Деньга – Жюри / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. Е. Кругликова, Н. В. Соловьев]. М.; СПб.: Наука, 2006. 693 с.
9. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по филол. спец. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 286 с.
10. *Гольман Ю. И.* Значение образа-символа для создания психологизма в повести Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2011. № 6. С. 127–132.
11. *Горький М., Андреев Л. Н.* Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. 630 с.
12. *Левин В. Д.* Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы: сб. статей / отв. ред. В. Д. Левин. М.: Наука, 1971. 416 с.
13. *Лейдерман Н. Л.* Эстетические принципы экспрессионизма и его судьба в русской литературе // Филологический класс. 2007. № 18. С. 12–18.
14. Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения : [в 6 т.]. Т. 6. / Акад. наук СССР, Ин-т литературы (Пушкинский дом); под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 482 с.
15. *Московкина И. И.* Леонид Андреев и векторы развития литературы XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. Т. 215. С. 76–82.

References

1. Ali, NF 2019, 'Strukturnyye tipy i predmetno-obraznyye osobennosti sravnitelnykh konstruktivnykh v povesti L. Andreyeva "Zhizn Vasiliya Fiveyskogo"' (Structural Types and Object-Figurative Features of Comparative constructions in the story "The life of Vasily Fiveyski" by L. Andreev), *Nauka Rossii: Tseli i zadachi : sb. nauch. tr. po materialam XVI mezhdunar. nauch. konf.* (Science of Russia: Goals and objectives. Collection of scientific works on the materials of 16th international scientific conference), part 3, Yekaterinburg, 10 August 2019, Yekaterinburg, pp. 8–14. (In Russ.)
2. Andreyev, LN 1990, 'Rasskazy 1898 – 1903 gg' (Stories 1898 – 1903), *Sobraniye sochineniy. V 6-ti t.* (Collected works. In 6 vols), vol. 1, Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
3. Luppol, IK, Uspenskiy, IN & Saburova, AA (eds.) 1954, *Arkhiv A.M. Gorkogo* (Archive of A.M. Gorkiy), vol. 4, Akademiya nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Baktybekova, AB 2022, 'Kontseptsiya lichnosti v povesti L. Andreyeva "Zhizn Vasiliya Fiveyskogo"' (The concept of personality in L. Andreev's novel «The life of Basil of Thebes»), *Bulletin of KSU. I. Arabaev*, no. 4-1, pp. 41–44. (In Russ.)
5. *Bibliya: knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* (The Bible: Books of the Old and New Testaments) 1922, Brit. i inostr. bibleysk. o-va publ, London, viewed 21 October 2024, https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002844308 (In Russ.)
6. Balakhonova, LI (ed.) 2010, 'Opora – Otryt' (Support-Dig up), *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (The Great Academic Dictionary of the Russian Language), vol. 14, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Balakhonova, LI (ed.) 2011, 'Otryad – Pereval' (Squadron-Mountain pass) *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (The Great Academic Dictionary of the Russian Language), vol. 15, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Kruglikova, LE & Solovyov, NV (eds.) 2006, 'Denga – Zhyuri' (Money -Judges), *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (The Great Academic Dictionary of the Russian Language), vol. 5, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Vinogradov, VV 2005, *O teorii khudozhestvennoy rechi* (On the theory of artistic speech), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
10. Golman, YuI 2011, 'Znachenie obraza-simvola dlya sozdaniya psikhologizma v povesti L. N. Andreyeva "Zhizn' Vasiliya Fivieskogo"' (Meaning of character- symbol for development psychologism in the story "Life of Basil of Thebes" by L.N. Andreev's novella), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaya filologiya*, no. 6, pp. 127–132. (In Russ.)
11. Gorkiy, M & Andreyev, LN 1965, *Neizdannaya perepiska* (Unpublished correspondence), ed. I. S. Zilbershteyn; intro. article K. D. Muratova, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Levin, VD 1971, 'Literaturnyy yazyk i khudozhestvennoye povestvovaniye' (Literary language and artistic narration), *Voprosy yazyka sovremennoy russkoy literatury: sbornik statey* (Questions of the language of modern Russian literature: a collection of articles), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Leiderman, NL 2007, 'Esteticheskiye printsipy ekspressionizma i yego sudba v russkoy literature' (The aesthetic principles of the expressionism and its destiny in Russian literature), *Filologicheskii klass*, no. 18.
14. Balukhatyy, SD, Piksyanov, NK & Tsekhnovitser, OV (eds.) 1961, *Literaturnyy arkhiv: materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya* (Literary archive: materials on the history of literature and social movement), vol. 6, Akad. nauk SSSR publ, In-t literatury (Pushkinskiy dom) publ, Leningrad, Moscow. (In Russ.)
15. Moskovkina, II 2017, 'Leonid Andreyev i vektory razvitiya literatury XX veka' (Leonid Andreev and development vectors of 20th century literature), *Proceedings of SPbGIK*, vol. 215, pp. 76–82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024
Одобрена после рецензирования: 29.11.2024
Принята к публикации: 29.11.2024

The article was submitted: 06.11.2024
Approved after reviewing: 29.11.2024
Accepted for publication: 29.11.2024